

Научно-методический и теоретический журнал

СОЦИОСФЕРА

№ 1 2014

НАУКА

ФИЛОСОФИЯ

УДК 168.3:303.442.4

ОСОБЕННОСТИ И СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ АРГУМЕНТАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ

Т. П. Лишук-Торчинская

**Национальный педагогический университет
им. М. П. Драгоманова, г. Киев, Украина**

FEATURES AND STRUCTURAL COMPONENTS OF ARGUMENTATIONS IN HISTORICAL NARRATIVE

T. P. Lishchuk-Torchynska

National Pedagogical Dragomanov University, Kyiv, Ukraine

Summary. The peculiarities of argumentation tools, which are used in historical narrative and interpreted as a type of historiographical text are considered in the article. The necessity for the synthesis of the ways in justification on the heuristic potential of classical logic and achievements of non-classical rationality is stressed. The validity of historical narrative through dialogue and polilogue is characterized. The proposed R. Whately, H. White and E. Topolski approaches to argumentation are analyzed, the basic components of the argument, forming polysyllabic multipartite and integrity of the historical narrative are considered.

Keywords: historical narrative; principles and types of argumentation; specifics of the narrative mode of argumentation.

К важнейшей характеристике научного текста принадлежит предложенная автором аргументированность собственной позиции. Действительно, применение научных методов и аргументированность являются важными требованиями по отношению к любой исследовательской работе, воплощённой в научном тексте. Между тем, в пределах научных отраслей, в рамках течений и школ внутри отдельных наук имеются различия относительно моделей, структуры и схем аргументации.

Теории обоснования знания разрабатывались в философии науки в XX веке во многих контекстах исследователями, представляющими различные философские направления. Наиболее существенные идеи, касающиеся аргументации, были изложены в лингвистическом анализе языка науки Л. Витгенштейном. В логическом анализе языка науки – Б. Расселом. Разработку в логическом позитивизме принципа верификации протокольных предложений вели М. Шлик и Л. Витгенштейн; в программе развития научного знания и разработке принципа фальсификации – К. Поппер. А в исследованиях логики гуманитарного знания в «новой риторике» – Х. Перельман, Л. Ольбрехт-Титеки и др. Вопрос о применимости в отдельных науках и в отдельных направлениях наук разработанных теоретиками моделей и схем аргументации не теряет своей актуальности. Рассмотрим, как используют инструментарий аргументации и как действует система различных средств аргументации в историческом нарративе.

Бытийность исторического нарратива как историографического текста предполагает определённые условия его создания относительно соответствия требованиям научной рациональности в целом и норм производства знания о прошлом в частности. Но границы научной рациональности, как и норм исторического исследования и особенностей историописания, в XX веке оказались подвижными. Возникает вопрос об основаниях и возможных схемах аргументации, используемых в исторических нарративах и составляющих неотъемлемую черту их структур. В этом смысле важны некоторые различия. Одно из них касается различия в историческом нарративе между полнотой обоснования и аргументированностью. Полнота обоснования устремлена к истинности в её классическом понимании – как соответствию знания действительности, объективности, к полноте охватывания исторического прошлого, что достигается в форме исчерпывающего

знания и определённой завершённости. «В философии обоснования, что её основной логической моделью является дедукция, царит идеология определённости или истинности» [12, с. 342], – замечает Е. Топольский. Позиция теоретика, стремящегося достичь полноты описываемого прошлого, состоит в дистанцировании от объекта исследователя. Но требование полноты обоснования противоречит смыслу исторического нарратива. Оценка достоверности его содержания неосуществима в терминах классической (корреспондентской) концепции истины; историческое исследование невозможно вне ценностного отношения к миру и вне мировоззренческих категорий. Исторический текст предстаёт принципиально незавершённым. Он открыт интерпретациям и развитию его идей другими историками – в соответствии с тем, что прошлые события приобретают новую значимость в свете настоящего, которое изменяет горизонт видения исторического прошлого. Между тем, следует использовать эвристический потенциал наработанных в традиционной логике способов обоснования: «Прежде всего, не нужно отвергать неоспоримых достижений: рациональных методов исторических исследований, превращающих исторические знания в гносеологические достижения, которые можно проверить и интерсубъективно, и на опыте, и на внутренней когерентности аргументации» [11, с. 11]. Е. Топольский также считает, что некоторые принципы классической логики продолжают определять способы организации историографического текста: «...самым основным логическим принципом исторической наррации является принцип непротиворечивости, то есть недопущение того, чтобы одновременно имели место П и не-П» [12, с. 115]. Но структура аргументации в историческом нарративе многосоставная; при производстве исторического нарратива, кроме принципов традиционной логики, в нём также используют иные принципы, для обнаружения и объяснения которых средств формальной логики оказывается недостаточно.

Самое распространённое толкование аргументированности касается отстаивания собственной точки зрения в форме диалога с оппонентом. Таким образом, аргументированность оказывается привязанной к режиму диалогичности. Типичский же научный текст – это текст по форме преимущественно монологичный, автор по собственному выбору определяет необходимость обращения к противоречащим его концепции аргументам. Тем не менее, диалогичность, предполагающая аргументацию автора в отстаивании своей позиции, как правило, присутствует в текстах. К примеру, в историческом нарративе, как и в любом другом историографическом тексте, существует интертекстуальный слой в виде ссылок и цитат. К определённому типу научных работ, например к диссертациям, ставится требование определения методологических оснований и задач исследования, что предусматривает обзор литературы по исследуемой проблеме и, возможно, полемику с уже устоявшимися подходами и принятыми решениями, как и аргументированные ответы автора на критику оппонентами уже изложенных положений работы. Это и обоснование авторской позиции путём обнаружения несостоятельности других подходов, и их опровержение в соответствии с приёмами классической логики: опровержение тезиса, опровержение аргументов, опровержение доказательства (связи тезиса и аргументов). Использование в доказательстве логических способов дополняется другими, которые затрагивают концептуальный уровень и нацелены на критику парадигмальных оснований теории. К примеру, во многих текстах по истории и философии истории органической частью произведения предстают многостраничные разработки с тщательным анализом позиций предшественников и/или современных автору мыслителей. К их числу принадлежат «Историка» И. Дройзена, «История как проблема логики» Г. Шпета, «Истина и метод» Х.-Г. Гадамера, «Аналитическая философия истории» Артура С. Данто, «Время и рассказ» П. Рикера и многие другие. Виртуальный диалог может приобретать форму такого произведения, в котором опубликованные ранее статьи или эссе, в том числе с выраженной полемической направленностью, объединяют в одной книге, что позволяет чётче представить позицию автора и позиции других авторов. Иллюстрацией такого типа работы может послужить книга «Содержание формы. Нарративный дискурс и историческая репрезентация» Х. Уайта, впервые опубликованная в 1987 году. Как утверждает автор в предисловии своей книги, «Эссе в этой книге представляют некоторые работы по теории нарратива и проблеме репрезентации в гуманитарных науках, которые я сделал за последние семь лет. Я дал название сборнику «Содержание формы», потому что все эссе решают, так

или иначе, проблему соотношения между нарративным дискурсом и исторической репрезентацией» [15, p. ix]. Книга содержит восемь эссе, часть из которых посвящена исследованию вопросов историописания в сочинениях И. Дройзена, М. Фуко, П. Рикера и Джеймсона, причем эссе о трёх последних авторах переработаны [15, p. xi].

С учётом внутренней диалогичности исторического нарратива к нему применимы закономерности, раскрытые в теории аргументативного дискурса, сделавшей акцент на взаимодействии (интеракции). Именно такой акцент сделан в рамках одной из школ, раскрывающих природу аргументативного дискурса – прагматодialeктике. Стадии дискуссии, определённые в прагматодialeктике, следующие: стадия конфронтации, стадия открытия дискуссии, стадия аргументации, заключительная стадия [5, с. 20]. Названные стадии характеризуют диалогический процесс, но если тема приобретает значимость для всего или большей части научного сообщества, её обсуждение покидает почву двустороннего взаимодействия и приобретает форму полилога. Полемический аспект исторического нарратива усиливается. Речь идёт уже не об отдельно взятом научном тексте. А о совокупности текстов в развернувшемся в рамках определённой временной длительности обсуждении актуальной научной проблемы. В современном украинском историческом дискурсе одно из таких обсуждений по вопросу «Современный украинский гранд-нарратив: подходы, концепции, реализация» было начато на страницах «Украинского исторического журнала» [2; 6; 9].

Вместе с тем, не все исторические нарративы содержат ярко выраженную полемическую составляющую. Тем более что, как уже упоминалось, требование обзоров литературы выдвигается научным сообществом только к отдельным типам научных текстов, в остальном структура работы определена авторскими предпочтениями изложения и особенностями авторского стиля. Последние также имеют свои особенности аргументации. Л. Г. Васильев в связи с этим говорит о «разделении аргументов на субстанциональный и процессуальный. Это аргумент-1 и аргумент-2 в трактовке Д. О'Кафа [1]. Отметим, что первый аргумент рассматривается ими в коммуникативной версии аргументации, второй – в интерактивной версии. Главное же различие между двумя названными аргументами весьма существенно. Оно состоит в том, что «Локус аргумента-1 – продуцирование текста-аргумента, локус аргумента-2 – обмен аргументами» [1]. Форма, в которой может быть воплощён аргумент, может быть разнообразной. Ссылаясь на взгляды В. Ровланда, В. Г. Васильев утверждает, что «Аргумент может быть не-дискурсивным и невербальным, но в таких случаях он функционирует как естественный знак» [1].

Коммуникативный подход к аргументу характеризуется тем, что «в его рамках исследуются не-диалогические языковые сообщения» [1]. Следующее изложение будет касаться в основном функционирования аргументации в историческом нарративе, представленном монологическим текстом. На специфичности аргументации в историческом нарративе настаивает Х. Уайт. Он утверждает: «Операции, с помощью которых совокупность событий преобразуется в серию, эта серия – в последовательность, эта последовательность – в хронику, а хроника – в повествование [narrativization], – эти операции, я полагаю, более продуктивно понимать как тропологические по своему типу, а не как логико-дедуктивные» [13, с. 8].

Но буквально в следующей строке Х. Уайт уточняет свою позицию, допуская, что «...отношения между историей, образованной на основе событий, и какими бы то ни было формальными доказательствами, выдвигаемыми для объяснения этих событий, состоит из комбинации логико-дедуктивных и тропологически-фигуративных компонентов» [13, с. 8].

При исследовании того, как выражена аргументация в историческом нарративе, большое значение приобретает определение его модели и структуры. К примеру, Е. Топольский исследуя структуру системы аргументации на основании базовой модели исторической наррации, выделил следующие структурные элементы: информационный слой исторической наррации (логико-грамматический слой), убеждающий слой и теоретико-идеологический слой исторической наррации. Характерными чертами его базовой модели исторической наррации являются неартикулируемость логической и грамматической структуры наррации, частичная артикулируемость информационного слоя, присутствие времени и пространства в исторической наррации [12, с. 115–121]. Одним из способов аргументации в тексте на уровне убеждающего слоя исторической наррации Е. Топольский выделяет композицию текста [12, с. 119]. В качестве форм проявления аргументации

риторического типа Е. Топольский называет «...ссылки на авторитеты с целью усиления собственных выводов, высмеивание сторонников иных взглядов, отличных от того, что предлагается» [12, с. 118], а также отдельно выделяет «использование тропов». Конструированию смысла в историческом нарративе способствует использование метафор. Метафоры способны отображать ценности, мировоззрение историка, его политические убеждения, а могут быть ценностно нейтральными, служить описанию конкретных исторических событий, отображать факты [12, с. 202], способствовать концептуализации исторического нарратива [12, с. 196]. Х. Уайт считает риторическое историописание универсальным способом рассказа о событиях прошлого и распространяет свой вывод даже на тексты тех философов, которые скептически относились к возможностям риторики: «В частности, непереносимость Фуко риторики отображает общее воостание его поколения против ясности их декартового наследия. На фоне изящного слога старой традиции новое поколение – категорически «азиатское». Вызывающий стиль Фуко также идеологически мотивирован. Его бесконечные предложения, скобки, повторы, неологизмы, парадоксы, оксюмороны, чередование аналитических и лирических пассажей, и сочетание научной и мифической терминологии, – всё, кажется, сознательно предназначено для того, чтобы сделать свой дискурс непроницаемым для любой критической методики, основанной на методологических принципах, отличных от его собственных» [14, р. 104].

Критически изучая наследие Х. Уайта, П. Рикер даёт высокую оценку его тропологическим исследованиям. «На манер специалистов в области риторики, – пишет П. Рикер, – Х. Уайт рассматривает понятие аргумента, скорее, в его убеждающей, чем в собственно доказательной способности. Идея о том, что существует способ аргументации, свойственный нарративному и историческому дискурсу, и что к этому способу применима собственная типология, является оригинальной идеей, каковы бы ни были заимствования из других, не связанных с историей областей, различия между формальными, органицистскими и контекстуалистскими аргументами» [10, с. 354]. Между тем, предложенная Х. Уайтом аргументация имеет ту особенность, что она формалистична. Й. Рюзен следующим образом определяет один из компонентов комплекса форм, применяемых Х. Уайтом к анализу исторических нарративов, – формальную аргументацию: «...это не только нарративное сочетание событий в рассказах (историях), но и эксплицитные толкования в самих историях. Они могут быть *формалистическими* и подчёркивать уникальность события; они могут быть *органицистическими* и интегрировать отдельные явления в целостности высшего порядка; они могут быть *механицистическими* и аргументировать с помощью причинных закономерностей, и они могут быть концептуалистическими, и оперировать функцийными связями между событиями» [11, с. 27–28].

Ожидаемый следующий шаг в толковании аргументации сопряжён с характеристикой содержательной стороны исторического нарратива. Формирование содержания исторического нарратива связано с конструированием фактов, ведь имеет значение, какие факты отражены в историческом нарративе и каким образом обоснован их выбор. Е. Топольский различает источниковую и логическую аргументацию [12, с. 142]. Казалось бы вполне естественным доминирование источниковой аргументации на этапе подбора фактов. Но, с учётом новых коннотаций рациональности, вряд ли есть смысл жёстко разграничивать этапы исследовательского поиска и историописания и рассматривать их как следующие друг за другом. «"Старые пути" исторического мышления проложил культурный проводник модернизма, – утверждает Й. Рюзен, – то есть методическая рациональность научной аргументации, а следовательно, и стремление добиться значимости и их практического воплощения путём эмпирических исследований» [11, с. 9]. В настоящем при отборе фактов и проверке их аргументативной силы в тексте признают доминирующее значение теории: «Решение о том, какое обоснование является значимым или должно быть значимым, может приниматься только на уровне теоретических приёмов и подходов. Какие структуры являются обрамлением возможных отдельных событий? Какие факты и реалии превращаются в событие, какие события знаменуют собой завершение стадии или фазы прошлой» [7, с. 157]. Принципиально важно, чтобы вопросы об аргументированности были поставлены по отношению к историческому нарративу в целом. А не к его отдельным фрагментам. Е. Топольский считает, что единственный способ анализировать нарративные утверждения состоит в учёте многосоставности структуры исторического нарратива.

«...отдельные исторические утверждения оказываются влетёнными в нарратив многократно. Они одновременно выступают элементами разных нарративных целостей всё более высокого порядка... Нельзя выделить единичные утверждения из такой нарративной структуры. Ведь от этого они перестанут быть основными частями этой структуры, а сама она будет деформирована или же разрушена» [12, с. 117]. Подчеркнём, что речь идёт о тех из них, которые касаются информирования о предмете исследования – историческом прошлом (Т. Л–Т.). Исходя из рассуждения, что правильность фактов, использованных в наррации, ещё не значит, что это есть истинная наррация в целом, способ установления истинности исторического нарратива исключительно на уровне протокольных предложений оказывается несостоятельным.

Таким образом, исторический нарратив как целостность обладает многосоставной структурой и включает комплекс средств аргументирования. В этом комплексе средств выделим два уровня обоснования:

– первый касается аргументированности отдельных компонентов исторического нарратива (например, утверждения, касающиеся отдельных фактов должны быть истинными),

– второй – текста в целом.

Комплекс аргументации был описан ещё в XIX веке Р. Уэйтли, который выделил два класса аргументов:

- 1) те, которые используют для объяснения истинных утверждений;
- 2) те, которые не обладают данной функцией.

Первая категория элементов называется категорией «a priori» и включает аргументы, основанные на причинно-следственной связи...

Второй же класс аргументов подразделяется на два подкласса: «знак» (sing) и пример (example)» [4, с. 102].

В историческом нарративе причинно-следственные связи существуют не только в форме дедуктивного умозаключения, но и умозаключения по аналогии, одним из проявлений которой является использование метафор. В. Вжосек выделил и анализировал фундаментальные метафоры – метафору генезиса и метафору изменения [3, с. 66], считая, что они способны выполнять аргументативную роль в историческом исследовании. Обе фундаментальные метафоры важны в историческом нарративе. Метафору генезиса В. Вжосек непосредственно связывает в классической для историографии историчностью. «Её употребление в повествовании, – пишет В. Вжосек, – служит своего рода доказательством ориентации данного высказывания или дискурса на историческое мышление либо всего лишь является знаком исторической аргументации» [3, с. 67].

Продолжая размышлять над аргументативными схемами, Б. Гарссен характеризует существенные черты знаковой аргументации, принадлежащей ко второму классу в схеме аргументации Р. Уэйтли. «Знаковая аргументация (sing argumentation) описывается как «рассуждение от следствия к условию» (argumentation from a effect to a condition)...

Особым типом знаковой аргументации является «аргументация, основанная на свидетельстве» (argumentation from testimony), в которой посылка опирается на факт существования самого свидетельства, а в выводе утверждается истинность того, что содержится в этом свидетельстве» [4, с. 102]. Данные свидетельства не просто используют в историческом нарративе, а стремятся проверить их, обращаясь к другим, независимым источникам. Возникающие в процессе работы заблуждения и ошибки располагаются на некотором континууме. Чтобы сузить этот континуум, внешних средств контроля аргументации, которые применяются по отношению к уже созданному нарративу, недостаточно. Наряду с проявлением автором профессиональных качеств, таких как компетентность и готовность к обмену мнениями внутри профессионального сообщества, залогом его успеха в работе со свидетельствами является наличие моральных качеств: ответственности, добросовестности и честности. В качестве примера ответственного отношения к свидетельствам А. Мегилл наводит способы работы Н. Дэвис со свидетельствами, полученными из архивов, которые она выявляет в своей работе «Возвращение Мартина Гера»: «На протяжении всей книги Дэвис определяет свои размышления как предположения: «возможно», это случилось, люди «должны были так себя вести», или, «вероятно», поступали так в данных обстоятельствах... Во всех этих случаях Дэвис всегда аккуратно сообщает нам о том, какое свидетельство стало

основой для утверждений, которые она делает, и для возможностей, которые она предполагает. Она никогда не обрушивает это свидетельство на нас. Она сообщает нам, почему она так думает, что данное свидетельство приводит к тому заключению, которое она формулирует. Она *аргументирует*» [8, с. 70].

Согласно аргументативной схемы Р. Уэйтли, особой разновидностью аргументов, принадлежавших ко второму классу, назван пример. Анализируя схему, Б. Гарссен заметил, что «В этой категории выделяются три разновидности: «индукция», «рассуждение, основанное на сравнении» (argumentation based comparison), и «аналогия» (analogy)» [4, с. 103]. Таким образом, аргументативная схема, предложенная Р. Уэйтли, и сегодня сохраняет свою актуальность и эффективна для анализа собственных конкретным историческим нарративам способов доказательства.

Следовательно, в историческом нарративе, истолкованном как особый тип историографического текста, инструментарий аргументации имеет свои особенности по сравнению с логико-дедуктивным методом построения обоснования. Вместе с тем необходим синтез эвристического потенциала классической логики и достижений неклассической рациональности в части способов обоснования в историческом нарративе. Развитие аргументированности в историческом нарративе возможно в режиме диалога и полилога. Подходы к аргументации, предложенные Р. Уайтли, Х. Уайтом и Е. Топольским, ориентируют на рассмотрение её основных компонентов, которые формируют многокомпонентность исторического нарратива.

Перспективным направлением развития данной темы станет рассмотрение стандартов обоснованности в историческом нарративе, то есть исследование вопроса возможных проверочных процедур, касающихся обоснованности применения аргументов на каждом уровне аргументации. Исследование данного вопроса возможно в рамках междисциплинарных подходов к аргументации и историческому нарративу.

Библиографический список

1. Васильев В. Г. Понимание, аргументация, лингвистика: замечание о методе // *Hermeneutics in Russia. On-line journal*. – 1998. – Vol. 1. – № 1. – URL: <http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1998-1.html> (дата обращения: 12.02.2014).
2. Верменич Я. В. Локально-регіональні рівні вітчизняного нарративу // *Український історичний журнал*. – 2013. – № 5. – С. 4–23.
3. Вжосе к В. О трёх типах тенденциозности в истории // пер. с польск. В. Г. Кульпиной // *История и современность*. – 2007. – № 2. – С. 61–78.
4. Гарссен Б. Схемы аргументации // *Важнейшие концепции теории аргументации* / пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой; науч. ред. А. И. Мигунов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 99–122.
5. Еемерен Х. Ф. ван. Современное состояние теории аргументации // *Важнейшие концепции теории аргументации* / пер. с англ. В. Ю. Голубева, С. А. Чахоян, К. В. Гудковой; науч. ред. А. И. Мигунов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. – С. 14–33.
6. Касьянов Г. В., Толочк о О. П. Національні історії та сучасна історіографія: виклики й небезпеки при написанні нової історії України // *Український історичний журнал*. – 2012. – № 6. – С. 4–24.
7. Козелле к Р. Минуле майбутнє. Про семантику історичного часу / пер. з нім. – К. : Дух і Літера, 2005. – 380 с.
8. Мегилл А. Историческая эпистемология : моногр. / пер. М. Кукарцевой, В. Катаева, В. Тимонина. – М. : «Канон + »; РООИ «Реабилитация». – 480 с.
9. Плохій С. Якої історії потребує сучасна Україна? // *Український історичний журнал*. – 2013. – № 3. – С. 4–12.
10. Рикер П. Память, история, забвение / пер. с фр. И. И. Блауберг и др. – М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
11. Рюзен Й. Нові шляхи історичного мислення / пер. з нім. В. Кам'янець. – Львів : Літопис, 2010. – 358 с.
12. Топольський Є. Як ми пишемо і розуміємо історію. Таємниці історичної нарації / пер. з польськ. Н. Гончаренко; наук. ред. докт. іст. наук Ю. Волошин. – Київ : К. І. С., 2010. – 400 с.
13. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ.; под ред. Е. Г. Трубниковой и В. В. Харитоновой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
14. White H. Foucault's Discourse. The Historiography of Anti-Humanism // *White H. The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation*. – Baltimore and London : The Johns Hopkins University Press Paperbacks, 1990. – P. 104–141.
15. White H. Preface // *White H. The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation*. – Baltimore and London : The Johns Hopkins University Press Paperbacks, 1990. – P. IX–XI.

© Лицук-Торчинская Т. П.